Павел Бажов

Кошачьи уши

В те годы Верхнего да Ильинского в помине не было. Только наша Полевая да Сысерть. Ну, в Северной тоже железком побрякивали. Так, самую малость. Сысерть-то светлее всех жила. Она, вишь, на дороге пришлась в казачью сторону. Народ туда-сюда проходил да проезжал. Сами на пристань под Ревду с железом ездили. Мало ли в дороге с кем встретишься, чего наслушаешься. И деревень кругом много.

У нас в Полевой против сысертского-то житья вовсе глухо было. Железа в ту пору мало делали, больше медь плавили. А ее караваном к пристани-то возили. Не так вольготно было народу в дороге с тем, с другим поговорить, спросить. Под караулом-то попробуй! И деревень в нашей стороне - один Косой Брод. Кругом лес, да горы, да болота. Прямо сказать, - в яме наши старики сидели, ничего не видели. Барину, понятное дело, того и надо. Спокойно тут, а в Сысерти поглядывать приходилось.

Туда он и перебрался. Сысерть главный у него завод стал. Нашим старикам только стражи прибавил да настрого наказал прислужникам:

- Глядите, чтобы народ со стороны не шлялся, и своих покрепче держите.

А какой тут пришлый народ, коли вовсе на усторонье наш завод стоит. В Сысерть дорогу прорубили, конечно, только она в те годы, сказывают, шибко худая была. По болотам пришлась. Слани верстами. Заневолю брюхо заболит, коли по жерднику протрясет. Да и мало тогда ездили по этой дороге. Не то, что в нонешнее время - взад да вперед. Только барские прислужники да стража ездили. Эти верхами больше, - им и горюшка мало, что дорога худая. Сам барин в Полевую только на полозу ездил. Как санная дорога установится, он и давай наверстывать, что летом пропустил. И все норовил нежданно-негаданно налететь. Уедет, примерно, вечером, а к обеду на другой день уж опять в Полевой. Видно, подловить-то ему кого-нибудь охота была. Так все и знали, что зимой барина на каждый час жди. Зато по колесной дороге вовсе не ездил. Не любо ему по сланям-то трястись, а верхом, видно, не способно. В годах, сказывают, был. Какой уж верховой! Народу до зимы-то и полегче было. Сколь ведь приказчик ни лютует, а барин приедет - еще вину выищет. Только вот приехал барин по самой осенней распутице. Приехал не к заводу либо к руднику, как ему привычно было, а к приказчику. Из конторы сейчас же туда всех приказных потребовал и попов тоже. До вечера приказные прибыли, а на другой день барин уехал в Северну. Оттуда в тот же день в город поволокся. По самой грязи приспичило ему. И обережных с ним что-то вроде много. В народе и пошел разговор: "Что за штука? Как бы дознаться?".

По теперешним временам это просто - взял да сбегал либо съездил в Сысерть, а при крепости (крепостном праве. - Ред.) как? Заделье надо найти, да и то не отпустят. И тайком тоже не уйдешь, - все люди на счету, в руке зажаты. Ну, все ж таки выискался один парень.

- Я, - говорит, - вечером в субботу, как из горы поднимут, в Сысерть убегу, а в воскресенье вечером прибегу. Знакомцы у меня там. Живо все разузнаю.

Ушел да и не воротился. Мало погодя приказчику сказали, а он и ухом не повел искать парня-то. Тут и вовсе любопытно стало, - что творится? Еще двое ушли и тоже с концом. В заводе только то и нового, что по три раза на дню стала стража по домам ходить, мужиков считать, - все ли дома. В лес кому понадобится за дровами либо за сеном на покос, - тоже спросись. Отпускать стали грудками и со стражей.

- Нельзя, - говорит приказчик, - поодиночке-то. Вон уж трое сбежали.

И семейным в лес ходу не стало. На дорогах заставы приказчик поставил. А стража у него на подбор - ни от одного толку не добьешься. Тут уж, как в рот положено стало, что в Сысертской стороне что-то деется. И шибко им - барским-то приставникам - не по ноздре. Зашептались люди в заводе и на руднике.

- Что хочешь, а узнать надо.
Одна девчонка из руднишных и говорит:
- Давайте, дяденька, я схожу. Баб-то ведь не считают по домам. К нам вон с бабушкой вовсе не заходят. Знают, что в нашей избе мужика нет. Может, и в Сысерти эдак же. Способнее мне узнать-то.
Девчонка бойконькая... Ну, руднишная, бывалая... Все-таки мужикам это не в обычае.
- Как ты, - говорят, - птаха Дуняха, одна по лесу сорок верст пройдешь? Осень ведь - волков полно. Костей не оставят.
- В воскресенье днем, - говорит, - убегу. Днем-то, поди, не посмеют волки на дорогу выбежать. Ну, и топор на случай возьму.
- В Сысерти-то, - спрашивают, - знаешь кого?
- Баб-то, - отвечает, - мало ли. Через них и узнаю, что надо.
Иные из мужиков сомневаются:
- Что баба знает?
- То, - отвечает, - знает, что мужику ведомо, а когда и больше.
Поспорили маленько мужики, потом и говорят:
- Верно, птаха Дуняха, тебе сподручнее идти, да только стыд нам одну девку на экое дело послать. Загрызут тебя волки.
Тут парень и подбежал. Узнал, о чем разговор, да и говорит:
- Я с ней пойду.
Дуняха скраснела маленько, а отпираться не стала.
- Вдвоем-то, конечно, веселее, да только как бы тебя в Сысерти не поймали.
- Не поймают, - отвечает.
Вот и ушла Дуняха с тем парнем. Из завода не по дороге, конечно, выбрались, а задворками, потом тоже лесом шли, чтобы их с дороги не видно было. Дошли так спокойно до Косого Броду. Глядят - на мосту трое стоят. По всему видать - караул. Чусовая еще не замерзла, и вплавь ее где-нибудь повыше либо пониже тоже не возьмешь - холодно. Поглядела из лесочка Дуняха и говорит:
- Нет, видно, мил дружок Матюша, не приводится тебе со мной идти. Зря тут себя загубишь и меня подведешь. Ступай-ка скорее домой, пока тебя начальство не хватилось, а я одна попытаюсь на женскую хитрость пройти.
Матюха, конечно, ее уговаривать стал, а она на своем уперлась. Поспорили да на том и решили, будет он из лесочка глядеть. Коли не остановят ее на мосту - домой пойдет, а остановят - выбежит, отбивать станет. Подобралась тут Дуняха поближе, спрятала покрепче топор да и выбежала из лесу. Прямо на мужиков бежит, а сама визжит-кричит:
- Ой, дяденьки, волк! Ой, волк!
Мужики видят - женщина испугалась, - смеются. Один-то ногу еще ей подставил, только, видать, Дуняха в оба глядела, пролетела мимо, а сама все кричит:
- Ой, волк! Ой, волк! Мужики ей вдогонку:
- За подол схватил! За подол схватил! Беги - не стой!
Поглядел Матюха и говорит:
- Пролетела птаха! Вот девка! Сама не пропадет и дружка не подведет! Дальше-то влеготку пройдет сторонкой. Как бы только не припозднилась, волков не дождалась. Воротился Матвей домой до обхода. Все у него и обошлось гладко - не заметили. На другой день руднишным рассказал. Тогда и поняли, что тех - первых-то - в Косом Броду захватили.
- Там, поди, сидят запертые да еще в цепях. То приказчик их и не ищет - знает, видно, где они. Как бы туда же наша птаха не попалась, как обратно пойдет!

Поговорили так, разошлись. А Дуняха что? Спокойно сторонкой по лесу до Сысерти дошла. Раз только и видела на дороге полевских стражников. Домой из Сысерти ехали. Прихоронилась она, а как разминовались, опять пошла. Притомилась, конечно, а на свету еще успела до Сысерти добраться. На дороге тоже стража оказалась, да только обойти-то ее тут вовсе просто было. Совернула в лес и вышла на огороды, а там близко колодец оказался. Тут женщины были, Дуняху и незаметно на людях стало. Одна старушка спросила ее:
- Ты чья же, девушка, будешь? Ровно не из нашего конца?
Дуняха и доверилась этой старушке.
- Полевская, - говорит.
Старушка дивится:
- Как ты это прошла? Стража ведь везде наставлена. Мужики не могут к вашим-то попасть. Который уйдет - того и потеряют.
Дуняха ей сказала.
Тогда старушка и говорит:
- Пойдем-ко, девонька, ко мне. Одна живу. Ко мне и с обыском не ходят. А прийдут - так скажешься моей зареченской внучкой. Походит она на тебя. Только ты будто покорпуснее будешь. Зовут-то как?
- Дуняхой, - говорит.
- Вот и ладно. Мою-то тоже Дуней звать.
У этой старушки Дуняха и узнала все. Барин, оказывается, куда-то вовсе далеко убежал, а нарочные от него и к нему каждую неделю ездят.
Все какие-то наставления барин посылает, и приказчик Ванька Шварев те наставления народу вычитывает. Железный завод вовсе прикрыт, а мужики на Щелкунской дороге канавы глубоченные копают да валы насыпают. Ждут с той стороны прихода. Говорят - башкирцы бунтуются, а на деле вовсе не то. По дальним заводам, по деревням и в казаках народ поднялся и башкиры с ними же. Заводчиков да бар за горло берут, и главный начальник у народа Омельян Иваныч прозывается. Кто говорит - он царь, кто - из простых людей, только народу от него воля, а заводчикам да барам - смерть! То наш-то хитряга и убежал подальше. Испугался!
Узнала, что в Сысерти тоже обход по домам и работам мужиков проверяет по три раза в день. Только у них еще ровно строже. Чуть кого не случится, сейчас всех семейных в цепи да и в каталажку. Человек прибежит:
- Тут я, - по работе опоздал маленько!
А ему отвечают:
- Вперед не опаздывай! - да и держит семейных-то дня два либо три.
Вовсе замордовали народ, а приказчик хуже цепной собаки.
Все ж таки, как вечерний обход прошел, сбежались к той старушке мужики. Давай Дуняху расспрашивать, что да как у них. Рассказала Дуняха.
- А мы, - говорят, - сколько человек к вашим отправляли - ни один не воротился.
- То же, - отвечает, - и у нас. Кто ушел - того и потеряли! Видно, на Чусовой их всех перехватывают.
Поговорили-поговорили, потом стали о том думать, как Дуняхе в Полевую воротиться. Наверняка ее в Косом Броду поджидают, а как мимо пройдешь?
Один тут и говорит:
- Через Терсутско болото бы да на Гальян. Ладно бы вышло, да мест этих она не знает, а проводить некому...
- Неуж у нас смелых девок не найдется? - говорит тут хозяйка. - Тоже, поди-ко, их не

пересчитывают по домам, и на Терсутском за клюквой многие бывали. Проводят! Ты только дальше-то расскажи ей дорогу, чтоб не заблудилась да не опоздала. А то волкам на добычу угодит.
Ну, тот и рассказал про дорогу. Сначала, дескать, по Терсутскому болоту, потом по речке Мочаловке на болото Гальян, а оно к самой Чусовой подходит. Место тут узкое. Переберется как-нибудь, а дальше полевские рудники пойдут.
- Если, - говорит, - случится опоздниться, тут опаски меньше. По тем местам от Гальяна до самой Думной горы земляная кошка (мифическое существо, живущее в земле, иногда показывает свои "огненные уши". - Ред.) похаживает. Нашему брату она не вредная, а волки ее побаиваются, если уши покажет. Не шибко к тем местам льнут. Только на это тоже не надейся, побойче беги, чтобы засветло к заводу добраться. Может, про кошку-то - разговор пустой. Кто ее видел?
Нашлись, конечно, смелые девки. Взялись проводить до Мочаловки. Утром еще потемну за завод прокрались мимо охраны.
- Не сожрут нас волки кучей-то. Побоятся, поди. Пораньше домой воротимся, и ей - гостье-то нашей - так лучше будет.
Идет эта девичья команда, разговаривает так-то. Мало погодя и песенки запели. Дорога бывалая, хаживали на Терсутско за клюквой - что им не петь-то?
Дошли до Мочаловки, прощаться с Дуняхой стали. Время еще не позднее. День солнечный выдался. Вовсе ладно. Тот мужик-от говорил, что от Мочаловки через Гальян не больше пятнадцати верст до Полевой. Дойдет засветло, и волков никаких нет. Зря боялись.
Простились. Пошла Дуняха одна. Сразу хуже стало. Места незнакомые, лес страшенный. Хоть не боязливая, а запооглядывалась. Ну, и сбилась маленько.
Пока путалась да направлялась, - глядишь, - и к потемкам дело подошло. Во всех сторонах заповывали. Много ведь в те годы волков-то по нашим местам было. Теперь вон по осеням под самым заводом воют, а тогда их было - сила! Видит Дуняха - плохо дело. Столько узнала, и даже весточки не донесет! И жизнь свою молодую тоже жалко. Про парня того - про Матвея-то - вспомнила. А волки вовсе близко. Что делать? Бежать - сразу налетят, в клочья разорвут. На сосну залезть - все едино дождутся, пока не свалишься.
По уклону, видит, к Чусовой болото спускаться стало. Так мужик-то объяснил. Вот и думает: "Хоть бы до Чусовой добраться!"
Идет потихоньку, а волки по пятам. Да и много их. Топор, конечно, в руке, да что в нем!/
Только вдруг два синеньких огня вспыхнуло. Ни дать ни взять - кошачьи уши. Снизу пошире, кверху на нет сошли. Впереди от Дуняхи шагов, поди, до полсотни.
Дуняха раздумывать не стала, откуда огни, - сразу к ним кинулась. Знала, что волки огня боятся. Подбежала - точно, два огня горят, а между ними горка маленькая, вроде кошачьей головы. Дуняха тут и остановилась, меж тех огней. Видит - волки поотстали, а огни все больше да больше и горка будто выше. Дивится Дуняха, как они горят, коли дров никаких не видно. Насмелилась, протянула руку, а жару не чует. Дуняха еще поближе руку подвела. Огонь метнулся в сторону, как кошка ухом тряхнула, и опять ровно горит.
Дуняхе маленько боязно стало, только не на волков же бежать. Стоит меж огнями, а они еще кверху подались. Вовсе большие стали. Подняла Дуняха камешок с земли. Серой он пахнет. Тут она и вспомнила про земляную кошку, про которую мужик сысертский сказывал. Дуняха и раньше слышала, что по пескам, где медь с золотыми крапинками, живет кошка с огненными ушами. Уши люди много раз видали, а кошку никому не доводилось. Под землей она ходит.
Стоит Дуняха промеж тех кошачьих ушей и думает: "Как дальше-то? Волки отбежали, да на долго ли? Только отойди от огней - опять набегут. Тут стоять холодно, до утра не выдюжить".
Только подумала, - огни и пропали. Осталась Дуняха в потемках. Оглянулась - нет ли опять

волков? Нет, не видно. Только куда идти в потемках-то? А тут опять впереди огоньки вспыхнули. Дуняха на них и побежала. Бежит, бежит, а догнать не может. Так и добежала до Чусовой-реки, а уши уж на том берегу горят.
Ледок, конечно, тоненький, ненадежный, да разбирать не станешь. Свалила две жердинки легоньких, с ними и стала перебираться. Переползла с грехом пополам, ни разу не провалилась, хоть шибко потрескивало. Жердинки-то ей пособили.
Стоять не стала. Побежала за кошачьими ушами. Пригляделась все-таки к месту, - узнала. Песошное это. Рудник был. Случалось ей тут на работе бывать. Дорогу одна бы ночью нашла, а все за ушами бежит. Сама думает: "Уж если они меня из такой беды вызволили, так неуж неладно заведут?"
Подумала, а огни и выметнуло. Ярко загорели. Так и переливаются. Будто знак подают: "Так, девушка, так! Хорошо рассудила!"
Вывели кошачьи уши Дуняху на Поваренский рудник, а он у самой Думной горы. Вон в том месте был. Прямо сказать, в заводе.
Время ночное. Пошла Дуняха к своей избушке, с опаской, конечно, пробирается. Чуть где люди, - прихоронится: то за воротный столб притаится, а то и через огород махнет. Подобралась так к избушке и слышит - разговаривают.
Послушала она, поняла - караулят кого-то. А ее и караулили. Старуху баушку приказчик велел в ее избушке за постоянным караулом держать. "Сюда, - думает, - Дуняха явится, коли ей обратно прокрасться посчастливит". Сам этот караул проверял, чтобы ни днем, ни ночью не отходили.
Дуняха этого не поняла. Только слышит - чужой кто-то у баушки сидит. Побоялась показаться. А сама замерзла, невтерпеж прямо. Вот она и прокралась проулком к тому парню-то, Матвею, с которым до Косого Броду шла. Стукнула тихонько в окошко, а сама притаилась. Тот выбежал за ворота:
- Кто?
Ну, она и сказалась. Обрадовался парень.
- Иди, - говорит, - скорее в баню. Топлена она. Там тебя и прихороню, а завтра понадежнее место найдем.
Запер Дуняху в теплой бане, сам побежал надежным людям сказать:
- Воротилась Дуняха, прилетела птаха. Живо сбежались, расспрашивать стали. Дуняха все им рассказала. В конце и про кошачьи уши помянула:
- Кабы не они, сожрали бы меня волки.
Мужики это мимо пропустили. Притомилась, думают, наша птаха, вот и помстилось (показалось. - Ред.) ей.
- Давай-ко, - говорят, - поешь да ложись спать! Мы покараулим тебя до утра и то обмозгуем, куда лучше запрятать.
Дуне того и надо. В тепле-то ее разморило, еле сидит.
Поела маленько да и уснула. Матюха да еще человек пять парней на карауле остались. Только время ночное, тихое, а Дуняха вон какие вести принесла. Парни, видно, и запоговаривали громко. Ну, и другие люди, которые слушать приходили, тоже не утерпели: тому-другому сказать, посоветовать, что делать. Однем словом, беспокойство пошло. Обходчики и заметили. Сразу проверку давай делать. Того нет, другого нет, а у Матвея пятеро чужих оказалось.
- Зачем пришли?
Те отговариваются, конечно, кому что на ум пришло. Не поверили обходчики, обыскивать кинулись. Парням делать нечего - за колья взялись. Обходчики, конечно, оборуженные, только в потемках колом-то способнее. Парни и ухайдакали их. Только на место тех обходчиков другие

набежали. Втрое либо вчетверо больше. Парням, значит, поворот вышел. Одного застрелили обходчики, а другие отбиваются все ж таки.
Дуняха давно соскочила. Выбежала из бани, глядит - над Думной горой два страшенных синих огня поднялись, ровно кошка за горой притаилась, уши выставила. Вот-вот на завод кинется. Дуняха и кричит:
- Наши огни-то! Руднишные! На их, ребята, правьтесь!
И сама туда побежала. В заводе сполох поднялся. На колокольне в набат ударили. Народ повыскакивал. Думают - за горой пожар. Побежали туда. Кто поближе подбежит, тот и остановится. Боятся этих огней. Одна Дуняха прямо на них летит. Добежала, остановилась меж огнями и кричит:
- Хватай барских-то! Прошло их время! По другим заводам давно таких-то кончили!
Тут обходчикам и всяким стражникам туго пришлось. Известно, народ грудкой собрался. Стража побежала - кто куда. Только далеко ли от народа уйдешь? Многих похватали, а приказчик угнал-таки по городской дороге. Упустили - оплошка вышла. Кто в цепях сидел, тех высвободили, конечно. Тут огни и погасли.
На другой день весь народ на Думной горе собрался. Дуняха и обсказала, что в Сысерти слышала. Тут иные, из стариков больше, сумлеваться стали:
- Кто его знает, что еще выйдет! Зря ты нас вечор обнадежила.
Другие опять за Дуняху горой:
- Правильная девка! Так и надо! Чего еще ждать-то? Надо самим к людям податься, у коих этот Омельян Иванович объявился.
Которые опять кричат:
- В Косой Брод сбегать надо. Там, поди, наши то сидят. Забыли их?
Ватажка парней сейчас и побежала. Сбили там стражу, вызволили своих да еще человек пять сысертских. Ну, и народ в Косом Броду весь подняли. Рассказали им, что у людей делается. Прибежали парни домой, а на Думной горе всё еще спорят. Старики без молодых-то вовсе силу забрали, запугали народ. Только и твердят:
- Ладно ли мы вечор наделали, стражников насмерть побили?
Молодые кричат:
- Так им и надо!
Сидельцы тюремные из Косого-то Броду на этой же стороне, конечно. Говорят старикам:
- Коли вы испугались, так тут и оставайтесь, мы пойдем свою правильную долю добывать.
На этом и разошлись. Старики, на свою беду, остались, да и других под кнут подвели. Вскорости приказчик с солдатами из города пришел, из Сысерти тоже стражи нагнали. Живо зажали народ. Хуже старого приказчик лютовать стал, да скоро осекся. Видно, прослышал что неладное для себя. Стал стариков тех, кои с пути народ сбили, задабривать всяко. Только у тех спины-то не зажили, помнят, что оплошку сделали. Приказчик видит, косо поглядывают, - сбежал ведь! Так его с той поры в наших заводах и не видали. Крепко, видно, запрятался, а может, и попал в руки добрым людям - свернули башку.
А молодые тогда с Думной-то горы в леса ушли. Матвей у них вожаком стал.
И птаха Дуняха с ним улетела.
Про эту пташку удалую много еще сказывали, да я не помню...
Одно в памяти засело - про Дуняхину плетку.
Дуняха, сказывают, в наших местах жила и после того, как Омельяна Иваныча бары сбили и казнить увезли. Заводское начальство сильно охотилось поймать Дуняху, да все не выходило это дело. А она нет-нет и объявится в открытую где-нибудь на дороге либо на руднике каком. И всегда,

понимаешь, на соловеньком (желтовато-белой масти. - Ред.) коньке, а конек такой, что его не догонишь. Налетит этак нежданно-негаданно, отвозит кого ей надо башкирской камчой - и нет ее. Начальство переполошится, опять примутся искать Дуняху, а она, глядишь, в другом месте объявится и там какого-нибудь рудничного начальника плеткой уму-разуму учит, как, значит, с народом обходиться. Иного до того огладит, что долго встать не может.

Камчой с лошади, известно, не то что человека свалить, волка насмерть забить можно, если кто умеет, конечно. Дуняха, видать, понавыкла камчой орудовать, надолго свои памятки оставила. И все, сказывают, по делу. А пуще всего тем рудничным доставалось, кои молоденьких девчонок утесняли. Этих вовсе не щадила.

На рудниках таким, случалось, грозили:

- Гляди, как бы тебя Дуняха камчой не погладила.

Стреляли, конечно, в Дуняху не один раз, да она, видно, на это счастливая уродилась, а в народе еще сказывали, будто перед стрелком кошачьи уши огнями замелькают и Дуняхи не видно станет. Сколько в тех словах правды, про то никто не скажет, потому - сам не видал, а стрелку как поверить?

Всякому, поди-ко, не мило, коли он пульку в белый свет выпустит. Всегда какую-нибудь отговорку на этот случай придумает. Против, дескать, солнышка пришлось, мошка в глаз попала, потемнение в глазах случилось, комар в нос забился и в причинную жилку как раз на ту пору уколол. Ну, мало ли как еще говорят. Может, какой стрелок и приплел огненные уши чтоб свою неустойку прикрыть. Все-таки не столь стыдно. С этих слов, видно, разговор и пошел.

А то, может, и впрямь Дуняха счастливая на пулю была. Тоже ведь недаром старики говорят:

- Смелому случится на горке стоять, пули мимо летят, боязливый в кустах захоронится, а пуля его найдет.

Так и не могло заводское начальство от Дуняхиной плетки свою спину наверняка отгородить. Сам барин, сказывают, боялся, как бы Дуняха где его не огрела. Только она тоже не без смекалки орудовала.

Зачем она с одной плеткой кинется, коли при барине завсегда обережных сила и каждый оборужен.